
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

А.Ю. Кирсанов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН БЕССИЛИЯ КАК ПРИЧИНА ТРЕВОГИ У РОЛЛО МЭЯ

Аннотация. Р. Мэй — один из основателей экзистенциально-гуманистической психологии. В его работах находим ряд антропологических идей, связанных с силой человека быть, с её утратой (бессилием), тревогой, защитой от этих состояний, называемой псевдоневинностью. Проявление этих феноменов в ситуациях выбора, проживания Другого. Становление личности, развитие чувства Я, способность реализовать свои возможности — таковы темы данной статьи.

Ключевые слова: психология, философия, человек, личность, интенциональность, идентичность, внутренний центр, свобода, тревога, бессилие, сила, целостность, Другой, выбор.

«Смотри, сказала она, я — то,
что должно всегда преодолевать себя.

В самом деле, ты называешь
это волей к порождению
или стремлением к концу, к чему-то
высшему, дальнейшему, более
разнообразному: но все это одно»

(Фридрих Ницше
«Так говорил Заратустра»)

утрата силы одновременно не только порождает, но и усиливает тревогу как чувства, возникающего в ответ на угрозу чему-то значимому для человека.

Рождаясь, ребёнок своим криком утверждает своё существование: у него ещё нет самосознания, его сущность ещё не проявилась (генетические и трансперсональные аспекты, в данном случае, я вывожу за скобки), но его существование уже утверждает своё право быть. Человек приобретает абсолютное право быть по тайне рождения. По словам Мэя, ребенок рождается как пучок возможностей, которые на первоначальном этапе жизни он может проявить в определенных пределах: ни ходить, ни говорить, ни рисовать и конструировать самолёты не может. Сначала ребенок заявляет о своём приходе в этот мир плачем, развивающимся, впоследствии, в сложную систему языка. Наблюдая за ребенком, легко заметить какое удовольствие и радость он испытывает от реализации и становления своих возможностей и силы существования, проявляющихся в ползании, ходьбе, говорении и т. д. Но эти возможности порождают и тревогу. Мэй ссылается на Кьеркегора, утверждающего в своем «Понятии страха», что возможность становится действительностью, но «промежуточная переменная есть беспокойство»².

Через родителей, ребенок входит в мир других: таких же как он, зачем-то однажды рождённых людей. Но этот первый опыт дружелюбной кооперации сосуществует с борьбой и властью, но ни тем, ни другим, по мнению Мэя, не следует пренебрегать, если мы ждем от

Ролло Мэй (1909-1994) — американский психолог и психотерапевт, один из основателей гуманистической психологии, теоретический и идейный лидер ее экзистенциальной ветви в американской интерпретации, но мировой значимости.

Говоря о понятии «сила», Мэй рассматривает её в двух ипостасях: «Сила есть способность производить или предотвращать изменения. Существуют два измерения силы. Одно из них — это сила как возможность (латентная сила). Это сила, еще не полностью раскрывшая себя, это возможность произвести изменения в будущем... Другое измерение — это сила как действительность»¹. Последний аспект силы связан с её первично-внешней ориентацией и существует в таких видах как эксплуатация, манипуляция, соперничество, забота и интегративная сила. Здесь мы рассмотрим силу и её утрату (бессилие) как преимущественно внутренне состояние, порождающее тревогу. При этом

---

¹ См.: Мэй Р. Сила и невинность. М.: Вентаж, 2012. С. 29.

² См.: там же. С. 31-32.

жизни удовлетворения³. Благодарное принятие земных благ и поддержки собратьев достигается не отказом от силы, но использованием ее с учетом интересов других. Мэй считает, что способность младенца удовлетворять простейшие потребности превращается у взрослого в борьбу за самооценку, за чувство собственной значимости. Именно в этом заключается психологический смысл его жизни, в отличие от биологического смысла у ребенка⁴. Отличие человека от животного в том, что человек способен направлять самоутверждающую силу живого в диалектическом взаимодействии с миром. Животные к такому управлению своей силой существования не способны. Сила быть развертывается в мире не для чего-то, но благодаря своему имманентному свойству: утвердить себя в мире.

Но эту силу быть, под которой Мэй подразумевал и самоуважение, и самоценность человека, силу быть живым, её спонтанность и иррациональность, часто с возрастом человек начинает утрачивать во все более усложняющимися столкновениями как с внешним миром, так и миром внутренним⁵. По мнению Мэя, жажда признания становится центральной психологической потребностью: я должен быть способен заявить, что я есть, суметь утвердить себя в мире, в который, благодаря моей способности утверждать себя, я вношу смысл, я творю смысл. И я должен делать это, несмотря на величественное безразличие природы ко всем моим стараниям... При этом Мэй ссылается на Ницше с его «волей к власти» и считает, что он не имел в виду «волю» и «власть» в современном значении, в смысле конкуренции, — скорее, он подразумевал самореализацию и самоактуализацию⁶.

Бессилие, тревога и внешний мир

Современный человек, человек XX века, о котором писал Мэй, последний потомок Ренессанса, и, особенно, человек XXI века, человек постренессансной культурно-исторической установки, уже не стремится сознательно утвердить себя как особое природное создание (как он это делал последние несколько веков на основе господства научной картины мира и рациональности) стал человеком «занимающимся», но не бытийствующим. По мнению Мэя, современный человек ощущает пустоту от того, что он не знает что хочет

и что чувствует, за него это «знает» общество⁷. Плохо ли это? Отчасти нет, поскольку помогает социальной адаптации, но лишь отчасти. За определенным пределом усвоения таких предложенных целей, желаний и чувств, человек начинает испытывать недостаток опыта проживания и реализации *своих* жизненных установок, в своей основе содержащих уникальность существования, уникальное по тайне рождения, которое начинает утрачивать не только опыт, но и способность к развертыванию себя в мире как уникального. Условно говоря, место, отведенное в существовании для наполнения его опытом проживания не заполняется, появляется пустота, коррелирующая с ничто, небытием (это всё то, где нет нашего существования, всё то, куда существование ещё не проникло) перед которым человек испытывает тревогу, что хорошо показали и Кьеркегор, и Тиллих, и Мэй и другие мыслители. Пытаясь опереться на такую пустоту человек конечно не находит опоры, чтобы оперевшись начать утверждать себя, что проявляется как ощущение бессилия.

Но как понять, что существование утрачивает опыт? Человек ведь живет в мире каких-то событий, испытывает какие-то чувства, мыслит, разве это не опыт? Опыт, только чей? Опыт основанный на проживании неподлинных чувств, неподлинным собой как груз в хранилище: он есть, он ценен, но пока не распределён — он просто груз. Так и опыт, приобретаемый проживанием событий, состояний всем существом, распределяется по всему существованию, создавая нечто новое в личности, расширяя её. И такое расширение происходит не только во вне, но и внутрь, в глубину содержания личности. Но если личность оказывается не готовой, не могущей или не желающей проживать и проявлять себя во вне и внутренне, то такое состояние ощущается как бессилие. Существование человека требует своего развёртывания и ответа на него, ответа извне, что оно (существование) есть в этом мире. Таким ответом служат: во-первых сопротивление мира (как внешнего так и внутреннего), во-вторых признание ценности человека со стороны других, его значимости, как чего-то важного. Потребность в таком ответе, что человек не ничто, и есть тревога.

В сегодняшнем мире многие чувства, по сути являющиеся «симптомами» нормальности (любовь, тревога, волнение и т.д.), стали наоборот, ненормальными, поскольку мешают животному, потребительски жить. И Мэй указывал, что новые вещества, призванные «излечить» человека от агрессивности, тревоги, страха деперсонализируют его и приводят к утрате

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ См.: Мэй Р. Человек в поисках себя. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. С. 11.

чувства личной ответственности⁸. Испытываемые человеком чувства, выходящие за рамки социо-технического функционирования на основе агрессивной потребительско-гедонистической программы управления, признаются ненормальными. Быть Живым Человеком стало диагнозом. Живой, аутентичный, человек является угрозой потребительскому обществу. Поэтому «норма» утратило своё свойство относительности, соотнесённости, ей придали качества абсолютности и универсальности, что хорошо показал Замятин в своём романе «Мы» (как и Хаксли, и Оруэлл в своих): не динамика человека определяет содержание «нормы», а статика конъюнктурного содержания понятия диктует каким быть человеку. Обладая властью над установлением содержания «нормы» обретаеете власть над человеком: Доктор, я живой — тревожусь и люблю... Это лечится?... Театр абсурда? Сегодняшняя жизнь...

Современное общество, как и созданная глобальная цивилизация, не могут предложить человеку хоть какое-то внятное будущее, ничего вместо потребления. В таких условиях человеческие потенции нуждаются в дополнительном сдерживании и создании предсказуемого и контролируемого поведения, в котором спонтанности и потребности отстаивать идеалы и высшие ценности, быть не должно, поскольку они несут угрозу для контроля. Для этого внутренний мир человека превращается в «душевное пюре», в котором селективные качества индивидуальности отсутствуют по определению. Такой технологический подход к формированию внутреннего мира позволяет внедрять в него любые компоненты, придавая им любую ценность. И эти компоненты уже не распознаются душевным иммунитетом, в виду его отсутствия. Внутренний хаос становится управляем извне, что требует двух основных способов контроля: во-первых смещение критериев нормы, её мобильность, во-вторых внедрение установки о необходимости «лечения» человеческого. И бессилие, тревога, укоренённые в глубинах существования, замещаются иллюзией эйфории жизни, в т.ч. фармакологическими средствами. Быстро и просто. Только не один препарат не вылечил жизнь от её трагизма.

Например, современная корпоративная культура является мощным средством подавления и разрушения человеческой идентичности. В ней за внешними лишь декларируемыми установками на командность, или, даже семейственность, стоит уничтожающее индивидуальность свойство: для успеха в карьере корпорации требуется полная мобильность, или мо-

дульность системы ценностей. На Востоке, например в Японии, преданность корпорации воспитывается с молодых лет, но там эта преданность выступает как интегративное свойство, позволяющее адаптироваться конкретному человеку в конкретной компании на долгосрочную перспективу, и выступает как органично вплетенное в ткань культуры качество. В нашей же стране корпоративность требует взаимозаменяемости её членов для создания иллюзии выбора и движения в системе в целом. А для этого и нужна унифицированная модульная корпоративная система ценностей в масштабах всего общества. Но полностью подавить человеческую природу не удаётся, ростки протеста индивидуальности нет-нет да и прорастают, что угрожает устойчивости системы. И выходом для энергии спонтанных действий, подавленных в привычной жизни, снятия на время диктата сознания, является способ, позволяющий *контролировать* течение этого процесса: т. н. корпоративы, тимбилдинги (корпоративные игры): как-бы укрепляющие «командный дух», а на деле коллективный способ уничтожения индивидуальности, шлифовки острых углов личности. Говоря о «нормальной норме», нужно рассматривать наличие протеста, агрессии в отношении того, что человеку не нравится, что не приемлет он всем существом, как признак здоровья, что неприемлемо в стандартах менеджерского обслуживания, единых для «черта и бога». Как указывал Мэй: «Когда в течение некоторого времени человека полностью лишают возможности дать выход агрессивным тенденциям, то берут свое, выливаясь в зомбиподобное омертвление сознания, невроз, психоз или насилие»⁹. Поэтому бессилие становится необходимым условием приспособления для адаптации и выживания в обществе. И акценты смещаются от неудовольствия, страдания перед возможностью стать собой, к удовольствию быть никем в удовольствии. И речь, конечно, об удовольствии не как зле самом по себе, но как об интенциональности жизни и подмене общего частным.

Человек по природе стремится упорядочить свою жизнь, найти в постоянно изменяющемся внешнем и внутреннем мире области стабильности: создать их или интроецировать. Но порядок это хаос, помещённый в контекст, от которого зависят свойства такого порядка. Если жизнь помещена в контекст, границами которого являются способы бегства от себя, то зов собственного существования, проходя через родовой канал бегства, родится на свет химерой: подлинная жизнь в мертвой оболочке чуждых установок. Ведь изначальная суть человека метафизически-процессуальна, а не сущностно-

⁸ См.: Мэй Р. Сила и невинность. М.: Винтаж, 2012. С. 69.

⁹ Там же. С. 54.

субстациональна: жизнь в статике чуждых установок и ценностей не позволяет потенциям реализоваться, своей подлинной сущностью он ощущает бессилие самоактуализироваться. И тогда появляется тревога, как чувство ответа на давление внешнего мира, способом преодоления которого является аутентичная самореализация всем существованием с ядром подлинной сущности, и выражением такого преодоления становится творческий выбор и ответственность за него как ответ на себя.

Выбор, бессилие, тревога

Самый главный дар, данный человеку, это способность к преобразованию себя и окружающего мира. Корни личности находятся, уходят в область чистых потенций, из неё произрастают, и реализуя которые, она преобразует себя и окружающий мир. Каждый по тайне рождения личность, но личность потенциально. Тогда, как возможности становятся реальными качествами? Точнее через что? Возможностям необходимо перейти в реальное состояние, и этот своеобразный фазовый переход, этот срыв постепенности, осуществляется через напряжение в осознанном выборе и ответственности за него. При этом осознанность ни в коей мере не отождествляется с диктатурой разума, исключением духа, души и тела. Наоборот, душа и дух, выступающие как питательная среда для разума, дополняемая природной силой тела, проявляются через него, обнаруживая тем самым свою трансцендентную природу. Так человек реализует свою феноменологическую целостность, стремясь преодолеть онтологическую расщепленность. И выбор-ответственность являются тем философским камнем что превращает безликое ничто пассивного животного существования в подлинное величие обретения себя как личности.

Но почему человек обречен выбирать, чтоб стать собой? Почему выбору придается онтологический статус в процессе обретения человеком себя как личности? Как указывает профессор П.С. Гуревич: «Повседневность неотступно предлагает нам ситуации выбора и властно требует от нас ответа»¹⁰. Становление человека в своей сути процессуально, а не субстационально. Природа, жизнь в ней, движется от рождения к смерти, факт сколь очевидный, столь и неоспоримый, стремясь к обновлению и воспроизводству. Если с биологической реальностью в данном ракурсе с человеком всё более-менее ясно, то с психологической, духовной стороны сложнее.

Выбор это как минимум альтернатива, но перед выбором человек где-то должен находиться, ему нужно «пространство для маневра», и таким пространством как раз и выступает «между»: добром и злом, между да и нет и т.д. Но застряв в этом пространстве, человек погибнет, как минимум психологически, как предтеча личности. Как пишет Мэй «...[есть] диалектическое движение между «да» и «нет», добром и злом, которое и порождает любое сознание»¹¹.

Когда человек стоит *перед* выбором (надо отдать должное языку, позволяющему заглянуть в суть явления), то там, в будущем, в пространстве, где выбор уже сделан, человека ещё нет, поэтому это тревога перед ничто, перед тем, где меня нет: выбирая, человек расширяет границы себя, т.е. утверждает, проявляет своё существование, преодолевая ничто.

Но каким человек предстаёт в момент выбора? Проявляется ли в этом моменте его целостность или расщепленность? К проблеме целостности были обращены взгляды многих философов, одни защищали целостность, другие — расщепленность существования человека. Но в любом случае, возникает вопрос: если человек целостен, то что объединяет его компоненты: тело, душу, дух? Думаю, интегративным свойством различных компонентов человека выступает интенциональность его существования, целостность проявляется в следовании своим намерениям и в движении по этому пути. И всё большее укрепление целостности в интенции происходит в момент прохождения «точек интеграции»-точек Выбора. После чего связи между компонентами личности усиливаются и укрепляются; т.е. интенция является интегративным свойством целостности. Вот почему в момент предельного напряжения всех сил, в момент Выбора и преодоления себя нынешнего происходит объединение всех частей личности до целостности, тем самым, через целостность происходит преодоление тревоги. До следующего преодоления. Таким образом, тревога-это зов существования к целостности через преодоление расщепленности, через предельное напряжение-Выбор. Чем больше моментов, когда человек выбирает всем своим существом, т.е. когда образуется целостность, тем крепче связи между компонентами. Другими словами, судьба предлагает на нашем пути узкие проходы, моменты Выбора, для прохода через который человек должен спрессовать, сжать разные компоненты себя до целостности, протиснуться через этот проход и укрепить связи внутри себя. Это какковка меча: под ударами молекулы металла сближаются, их связи усиливаются и в

¹⁰ Гуревич П.С. Психоанализ. М.: Юнити-Дана, 2007. С. 154.

¹¹ Мэй Р. Сила и невинность. М.: Винтаж, 2012. С. 78.

итоге получаем твёрдый прочный клинок. Тревогой существование как бы сигнализирует о своей потребности в целостности. В момент Выбора эта потребность удовлетворяется и преодолевается тревога. Но окончательной целостности достичь невозможно, поэтому затем существование снова требует движения к целостности, а направлением и интегративным свойством выступает интенция жизни человека. Таким образом, цель (интенция) и смысл жизни выступают направлением и условием для преодоления тревоги. При этом неудовлетворённая потребность реализовать себя, распространить свою силу быть к чему-то, к какой-то цели, переживаемое как состояние бессилия, не только само по себе порождает, но и усиливает тревогу, за счёт заблокированной им (бессилием) развёрнутой во времени интенциональности через обретаемую целостность.

Мэй указывает, что психически больные переживают бессилие, сопровождаемое постоянной тревогой, служащей одновременно его причиной и следствием, что связано с ощущением собственной никчемности, желанием хоть какой-то значительности¹². Другими словами, у них заблокирована возможность утвердить себя в мире, обрести себя, но не на уровне отдельных компонентов (духа, души, тела), а всем своим существом, целю. Можно сказать, что, во-первых, ослабленные или отсутствующие связи между компонентами личности, во-вторых, отсутствие, иллюзорность или неподлинность интенции жизни конкретного человека и в-третьих отсутствие напряжения всех сил, прохождения точек интеграции-Выбора, всё это приводит к усилению центробежных сил внутри личности, дезинтеграции между компонентами и в конечном итоге, может привести и к распаду личности, что хорошо иллюстрируется такими стадиями как невротик-психотик-шизофреник. Обобщая, можно сказать, что расщеплённость человека (на дух, душу, тело) стремиться к целостности, достигает её в момент предельного напряжения в Выборе, тем самым укрепляя связи между компонентами человека, приближая его к себе настоящему, при этом направлением такого стремления выступает интенциональность жизни человека (цель, пронизывающая все компоненты, смысл жизни, так же с ними соотносённый), сигналом существования о своей потребности к развёртыванию (реализации) служит чувство тревоги, которая усиливается и порождается одновременно, состоянием бессилия, т. е. заблокированным стремлением существования к своему утверждению.

Бессилие и тревога перед Другим

Мэй указывает, что «значительную часть человеческой жизни можно рассматривать как конфликт между силой (то есть способностью эффективно влиять на других, обретать в отношениях с другими людьми чувство собственной значимости), с одной стороны, и бессилием — с другой. В этом конфликте нашим усилиям серьезно препятствует тот факт, что мы отторгаем и то и другое: первое — из-за негативной окраски, связанной с «жаждой власти», второе — из-за страха признать собственное бессилие. Стоит лишь назвать бессилие его более понятным именем — беспомощностью или слабостью, как многие почувствуют, сколь сильно они им отягощены... Действительно, ни одна из социальных эмоций не получила сегодня такого распространения, как убеждение в собственном бессилии, — пишет Артур Шлезингер. — Это ощущение того, что ты загнан, что тебя преследуют». Признать чувство собственного бессилия, того, что мы неспособны влиять на других, что мы значим мало, что ценности, которым наши родители посвящали свою жизнь, для нас утратили свою важность, что мы ощущаем себя, пользуясь словами У.Х. Одена, «безликими Другими», безразличными для окружающих нас людей и, тем самым никчемными для самих себя, — действительно, чрезвычайно сложно. Не припомню за последние четыре десятилетия времени, когда так много говорилось бы о потенциале и возможностях человека, в то время как у самого человека было так мало уверенности в своей способности что-либо изменить психологически или политически. Все эти разговоры, по меньшей мере отчасти, представляют собой компенсаторный симптом, вызванный тревожащим нас осознанием утраты силы»¹³.

Соприкасаясь с миром Другого, человек испытывает тревогу: его собственный мир становится всё менее определённым в этой встрече, его слабости, находившиеся под защитой относительно определённого и понятного своего мира проявляются в сфере существования Другого, где безраздельной власти своего мира уже нет. Но человек сегодня пошел ещё дальше: он уже перестаёт замечать даже существование других рядом с собой. Мэй указывает, что человек находится в ситуации погони за чувственной симуляцией и симуляцией контакта, встречи в мире, где уже никто, никого не слышит и не видит¹⁴. Мы не можем доверять другому и, даже, самим себе, поскольку настроение и ценности предлагается выбирать в зависимости от поставленных целей, коррелирующих с

¹² См.: там же. С. 88.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ См.: там же. С. 68.

главным критерием — успехом и выгодой. Ценности и настроения, в своей базе укоренённые в индивидуальном существовании, перестали быть ценными. Теперь легче найти ценности, подобранные под существование, нежели существование, выбирающее себе ценности.

Погружение в мир Другого, предполагающее выход за пределы себя, ответ всем существованием, исключает какую-либо симуляцию контакта. Если человек живёт на уровне лишь наличного существования, избегая встречи с самим собой, со своими глубинами, если ценности, на которых основывается существование, усвоены, но не прожиты, поэтому зыбки, то встреча с другим существованием, неизбежно всколыхнет собственное. И это движение порождает тревогу, и если реакцией на него является лишь ощущение бессилия, порождающее её и усиливающее одновременно, то ответом на Другого будет либо насилие, либо бегство.

Способность впускать в себя мир Другого является врождённой. Ребёнок, уже родившись, начинает впускать в себя эти миры. По мере развития таких впущенных миров становится всё больше. Человек оказывается внутри себя в толпе Других. Если его сущность так и не родилась, то он живёт мёртвым. Если родилась, то её становление и развёртывание происходит через Малую смерть в мире Другого, где сущность рождается снова, но другой. Это становление сущности через Малую смерть и новое рождение в мире Другого. Тревога, т.о. является передним оголённым краем жизни сущности в преддверии (ожидании, потребности) Малой смерти. Это Онтическая тревога потребности жизни самоутвердиться через Малую смерть в мире таких-же, Других. Другой уровень — Онтологическая тревога — потребность жизни самоутвердиться (онтологический оголённый край существования) перед лицом уже Большой смерти. Можно ли преодолеть Онтическую тревогу? Да, саморождаясь своей сущностью через Малую смерть и новое рождение в Другом другим. Можно ли преодолеть Онтологическую тревогу? Нет, она напоминание и дрожь существования перед лицом Большой смерти.

Человек, не обретя себя, состоит внутри себя из толпы Других. И в наличной ситуации, вступая в мир Другого, он забирает маску из этой толпы Других и, надевая её, вступает в мир нового Другого здесь и сейчас. Но за маской он прячется, и как Он, как Сам, в это новое взаимодействие не вступает, следовательно потребность жизни в самоутверждении через Малую смерть остаётся неудовлетворённой и Онтическая тревога не преодолевается, а усиливается дополнительной тягой жизни, уже находящейся в мире нового Другого,

но столкновения, Малой смерти и нового рождения не получающей.

Бессилие и тревога, псевдоневинность как защита от них

Мэй пишет: «Есть способ борьбы с бессилием, который заключается в том, чтобы превратить его в видимое достоинство. Человек в этом случае сознательно отказывается от силы, и тогда не обладая ею становится добродетелью. Я называю это невинностью. Это слово (innocence) образовано от латинской частицы in («не») и корня posens («вина»), обозначая дословно отсутствие вины или греха, безвредность, простодушие, чистоту. Применительно к поступкам оно означает «отсутствие вреда или злых намерений»¹⁵.

Мэй делит невинность на два типа: первый-это свойство фантазии. Такой тип присущ художнику или поэту, т. е. сохранившаяся у взрослого детская ясность восприятия. Такую невинность, дающую чистоту, красочность, восторг и благоговение, Мэй находит у Святого Франциска в его Проповеди к птицам. Такая невинность ведёт к духовности, но своим, особым путём. Это детское восприятие в зрелом возрасте без ущерба для реалистичного восприятия зла в мире, или нашей «сопричастности злу», по словам Артура Миллера. Мэй называет это подлинной невинностью. Второй тип невинности к духовности не ведёт, и заключается в зашоренности восприятия. Такой тип Мэй называет псевдоневинностью¹⁶. Вот что пишет Мэй: «Она паразитирует на наивности и представляет собой законсервированное детство, своего рода фиксацию на прошлом. Это скорее инфантилизм, нежели детскость. Когда перед нами встают вопросы, слишком масштабные или ужасные для нашего ума — как например, атомная бомбардировка, — мы прячемся за подобной невинностью, обращаем бессилие, слабость и беспомощность в добродетель. Подобная псевдоневинность ведет к утопизму; нам незачем видеть подлинные опасности. Повинуясь бессознательному, мы закрываем глаза на реальность и уверяем себя, что мы от нее спрятались. В отличие от невинности первого рода, она не делает все ярким и ясным — скорее, она все упрощает. Она вянет перед лицом нашей сопричастности злу. Такая невинность не может справиться с разрушительностью в нас или в других людях и... становится саморазрушительной. *Нevinность, неспособная вобрать в себя демоническое, сама становится злом. Такую же форму принимает невинность в случае*

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ Там же. С. 113.

невроза. Это фиксация на детстве, которое человек так и не прожил, и за которое он вместо этого цепляется как за единственную защиту от жестоких, нелюбящих или доминантных родителей»¹⁷. Другими словами, псевдоневинность становится защитой внутренней пассивности и инвертирует отношение к бессилию и тревоге, как состояний требующих преодоления, в отношение к ним, как требующих погружения. Это путь к усилению дезинтеграционных тенденций, это путь к гибели.

Столкновение со своим Сфинксом, темной стороной себя, может быть принято только через проживание её, и объяснения своих поступков, являющихся проявлением темной стороны, оторванные от такого проживания, являются не более чем рационализацией, удерживающей человека от погружения в атмосферу собственного аутентичного существования. Зло автономно, оно не нуждается в дополнительном стимулировании для своего проявления, в отличие от добра, которое всегда сопряжено с необходимостью своего активного утверждения. Злу нужно сопротивляться, добро творить. Таким образом, эти два начала в человеке являются двумя векторами силы человеческой природы, движение между которыми создаёт движение самой жизни, и её центром, точкой равновесия, является идентичность, одной из оболочек которой становится самосознание.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Психоданализ. М.: Юнити-Дана, 2007.
2. Мэй Р. Сила и невинность. М.: Внтаж, 2012.
3. Мэй Р. Человек в поисках себя. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.
4. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Psikhodanaliz. M.: Yuniti-Dana, 2007.
2. Mey R. Sila i nevinnost'. M.: Izdatel'stvo Vintazh, 2012.
3. Mey R. Chelovek v poiskakh sebya. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2012.
4. Yung K.G. O psikhologii vostochnykh religiy i filosofiy. M.: Medium, 1994.

Признание зла в себе порождает чувство вины. И связка зло-вина становится тем каналом, без которого путь к целостности оказывается закрыт. Без «сопричастности злу» человек остаётся в состоянии детской невинности, но этой псевдоневинностью «светиться лицо дурачка», по выражению Мэя. Чувство тревоги и вины, пронизывающие человеческое существование и от него неотделимые, вторгаясь в состояние псевдоневинности, заставляют человека либо бежать от себя в общество: туда, где его ждут как «расщепленца», приняв в «симулятор жизни», либо открыть себя для сил своей природы, предугадывая при этом, что выжить ему прежнему невозможно. Но новое рождение сопряжено с существенным условием: ощущением самоценности себя, своего существования.

Экспансия авторитаризма, автоматизма на все стороны жизни уничтожает спонтанность и новизну мгновения, что приводит к скудости воспринимаемых оттенков единой ткани бытия. Ещё Юнг указывал, что «надо уметь давать совершаться психическим событиям»¹⁸, позволять психической природе личности саморазвёртываться исходя из своих собственных оснований, лежащих за пределами сознания и трансцендентных по своей природе, поскольку тайна источника происхождения психического, тайна его рождения вместе с человеком как имманентного свойства нам не известна.

¹⁷ Там же. С. 107.

¹⁸ Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.